

Сун Ле полностью сосредоточился на Се Сицзэ. Вид расстроенного ребёнка был настолько мил, что он не смог сдержать улыбку:

— Я думал, Сяо Цзэ это понравится.

Сун Ле открыл телефон, желая запечатлеть его оживлённое выражение:

— Может, проверим функцию камеры?

Се Сицзэ отвернулся, но Сун Ле хотел его сфотографировать, и он специально начал вертеть головой, чтобы избежать этого.

Два мужчины, один высокий, другой поменьше, стояли на улице, держа телефон и поворачиваясь в разные стороны, что выглядело забавно.

На узком перекрёстке Се Сицзэ вдруг остановился, и улыбка, появившаяся на его лице, медленно исчезла.

На перекрёстке стоял трёхколёсный велосипед с прикреплённым аппаратом, который с шумом крутился, создавая облако сахарной ваты.

— Сахарная вата, — тихо прошептал Се Сицзэ, задумчиво.

Сун Ле наблюдал, как шарик сахарной ваты постепенно увеличивался, вспоминая много лет назад, когда Се Сицзэ был ещё маленьким. Тогда он только что поправился после болезни, и Сун Ле водил его в парк, где они увидели продавца сахарной ваты. Мальчик был поражён.

— Я хочу съесть облако, — сказал он, указывая на белый шарик.

— Это сахарная вата, а не облако, — тогда Сун Ле поднял его, чтобы он мог лучше рассмотреть, но не позволил съесть, боясь, что ребёнок заболит от уличной еды.

Се Сицзэ помнил сахарную вату у входа в парк. Она была не только белой, но и красной, розовой, зелёной. Но он никогда не пробовал её. Когда он вырос и захотел купить её сам, оказалось, что в Чуаньчэне уже редко можно встретить старые аппараты для сахарной ваты.

За велосипедом стоял мужчина лет сорока. Обычно он не обслуживал мужчин, но двое мужчин, загораживающих несколько детей, вызвали у него недовольство:

— Это дешёво, пятьдесят центов за штуку.

Се Сицзэ смущённо отошёл в сторону, краем глаза глядя на Суна Ле, думая про себя, что старик, вероятно, уже забыл о тех разноцветных облаках у входа в парк.

С этой мыслью он пошёл быстрее, не желая ждать Суна Ле.

Продавец продал несколько порций сахарной ваты, но, увидев, что высокий мужчина всё ещё стоит у его лотка, повысил голос:

— Покупаете или нет? Если нет, не мешайте.

Сун Ле взглянул на Се Сицзэ, который шёл по обочине, пиная камешки:

— Сделайте мне большой.

Се Сицзэ пинал камешки, пока один из них не улетел на середину дороги. Он начал искать новый, как вдруг перед ним появилось огромное облако.

Оно было настолько большим, что казалось, будто упало с неба. Се Сицзэ смотрел на него, словно хотел обнять.

Облако слегка поднялось, и из-за него раздался голос Суна Ле:

— Оно может деформироваться.

Из-за сахарной ваты выглянуло его красивое лицо:

— Я знал, что тебе понравится. Ешь.

Се Сицзэ не удержался и с сарказмом посмотрел вверх:

— Уличная еда, можно заболеть.

Хотя он так говорил, его глаза несколько раз обвели сахарную вату. Сун Ле улыбнулся и, не говоря ни слова, откусил кусочек.

— Если ты не хочешь, я съем один.

Се Сицзэ, увидев, как Сун Ле откусил большой кусок, вытаращил глаза и выхватил сахарную вату из его рук:

— Ты же купил это для меня?

Несколько проходящих детей указали на сахарную вату в руках Се Сицзэ и закричали:

— Какая огромная!

Се Сицзэ с удовольствием откусил кусочек на их глазах, а затем продолжил есть.

Сун Ле наблюдал, как он наслаждается, думая, что это должно было быть частью его детства много лет назад, но он упустил этот момент.

Он погладил голову Се Сицзэ:

— То, что было упущено раньше, я начну восполнять сейчас.

Оказывается, старый мерзавец всё помнил. Се Сицзэ поспешно опустил голову, чтобы Сун Ле не увидел, как у него навернулись слёзы.

Се Сицзэ ел сахарную вату, как заботливый кролик, и голос Суна Ле стал мягче:

— Вкусно?

— Ты же сам пробовал, слишком сладко, — ответил Се Сицзэ с выражением недовольства, но поднёс почти съеденную сахарную вату ко рту Суна Ле.

Сун Ле улыбнулся и укусил его руку, держащую облако.

В следующую секунду Се Сицзэ выбросил палочку и крикнул:

— Старый развратник!

Се Сицзэ провёл в больнице три дня и, наконец, немного восстановил силы. Как только он поправился, Сун Ле оформил выписку, и они сразу же уехали.

Он спешил вернуться в деревню Лотоса, чтобы посетить могилу бабушки. Всё из-за его слабого здоровья: он смог продержаться только три дня, как только бабушку похоронили, он потерял сознание, и его отвезли в больницу, не успев провести обряд.

Сун Ле оформил документы, а Се Сицзэ уже сидел на заднем сиденье машины, глядя в окно, его настроение было подавленным.

— Сяо Цзэ, не грусти.

Сун Ле знал, что он думает о бабушке, и попросил водителя ехать быстрее:

— Бабушка ушла, но я с тобой. Ты не один, теперь я твоя семья.

Он думал, что последнее время психическое состояние Се Сицзэ было нестабильным, и, возможно, после возвращения в Чуаньчэн стоило найти психолога, чтобы помочь ему.

Се Сицзэ повернулся к нему. Водитель поднял перегородку, и он сказал:

— Ты хочешь любить меня и быть моей семьёй. Не слишком ли это много?

Сун Ле слегка улыбнулся:

— Очевидно, это не противоречит друг другу. — Он положил руку на спинку сиденья за Се Сицзэ и спокойно продолжил. — Я могу быть твоим любимым человеком, другом, семьёй, доверенным лицом. Главное, чтобы эти отношения строились на любви. Се Сицзэ теперь один, и я не могу позволить ему жить самостоятельно.

Се Сицзэ без него не сможет.

После похорон бабушки Гуйхуа прошло несколько дней. Только вернувшись в деревню Лотоса, Се Сицзэ, не задерживаясь, попросил Суна Ле отвезти его на могилу, чтобы почтить память бабушки.

Сун Ле нёс корзину с подношениями, и по пути никто не разговаривал. Пройдя через поля, они увидели большое поле рапса. После дождя многие цветы поникли, но оставшиеся продолжали упорно расти. Ярко-жёлтые лепестки под солнцем выглядели особенно привлекательно. В Сичжоу сезон цветения был поздним, но уже начинал подходить к концу.

Се Сицзэ сказал:

— Я был в деревне немало времени, но никогда не замечал такого большого поля.

Сун Ле улыбнулся, глядя на его макушку:

— Пройдёмся после того, как почтим бабушку?

— Хорошо.

Се Сицзэ не думал об этом. После смерти бабушки Гуйхуа его энергия, направленная на

противостояние Суну Ле, внезапно иссякла. Особенно после того, как Сун Ле организовал похороны и несколько дней без сна ухаживал за ним в больнице. Если бы он продолжил упрямиться, то действительно мог бы сойти с ума.

Конечно, при условии, что этот старый мерзавец не будет использовать возможность подразнить его.

Место для могилы было выбрано удачно. Сун Ле специально нанял мастера фэншуй, чтобы подобрать подходящее место. Гроб и надгробие были сделаны с особой тщательностью. Се Сицзэ молча стоял несколько минут, затем присел рядом с Суном Ле и вместе с ним разложил подношения, сжёг несколько вещей.

Когда они встали, их лбы столкнулись. Се Сицзэ вскрикнул, и Сун Ле сразу же прижал его голову к своей груди, мягко массируя.

— Больно? — спросил он.

Се Сицзэ покачал головой, считая, что Сун Ле слишком преувеличивает, словно он был хрупким сокровищем.

Он отстранился, неловко отводя взгляд, собираясь сказать, что не нужно так переживать, но, встретившись с мягким взглядом мужчины, замолчал.

Сун Ле знал, как использовать свою харизму, чтобы очаровать его. Ему даже не нужно было говорить — его нежные чувства исходили из глаз, заставляя Се Сицзэ отводить взгляд.

После того, как они почтили память бабушки, спускаясь с горы, Се Сицзэ посмотрел на Суна Ле, словно хотел что-то сказать, но не решался.

Сун Ле знал, что у ребёнка есть что сказать, но не спрашивал. Он ждал так долго, что несколько минут не имели значения. Се Сицзэ в последнее время стал мягче по отношению к нему, и это было искренне, а не притворно.

Сун Ле чувствовал, что после смерти бабушки Гуйхуа и дней, проведённых в больнице, Се Сицзэ стал гораздо более зрелым.

<http://bllate.org/book/16434/1489757>